

ИСТОРИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ НУЗАЛЬСКОГО ХРАМА

THE HISTORY OF THE IDENTIFICATION OF THE NUZAL TEMPLE

M. Mamiev

Summary: The article is devoted to a general overview of the history of the identification of the Nuzal Temple – an outstanding religious and cultural-historical monument of medieval Alanya. Based on the review of literature XVIII–XXI century the historiographical periods of its study are highlighted. The dynamics of determining the nature and original purpose of the temple is traced.

Keywords: Alanya, church architecture, crypt architecture, identification.

Мамиев Михаил Эрнестович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии РСО-Алания (Владикавказ)

mikhailmamiev@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена общему обзору истории идентификации Нузальского храма – выдающегося религиозного и культурно-исторического памятника средневековой Алании. На основе рассмотрения литературы сер. XVIII – нач. XXI в. выделены историографические периоды его изучения. Прослежена динамика определения характера и изначального назначения храма.

Ключевые слова: Алания, церковное зодчество, склеповая архитектура, идентификация.

Нузальский храм (*Нузалы аръуан*) – один из важнейших памятников аланской истории, связанный с именем последнего известного царя Алании Багатара. В сер. XIX в. храм получил мировую известность благодаря великолепной фресковой росписи и не дошедшей до нас эпитафии, носившей фольклорно-исторический характер [43, с.159–162].

Храм расположен на территории исторической области Уалладжир, на левом берегу р. Ардон, в центральной части поселка Нузал (Алагирский район РСО-Алания) – сравнительно недавнего отселка средневекового Нузала, находившегося на противоположном берегу реки. В золотоордынскую эпоху в Нузал, составлявшем часть доменной территории царского дома Алании, была перенесена столица государства из захваченной монголами равнинной территории страны [6, с.88, 91; 43, с.159].

Церковь возведена на территории могильника эпохи средневековья – нового времени, большей частью застроенного в XIX–XX вв. [6, с.89–91]. Представляет собой небольшой ложно-сводчатый двускатный безапсидный погребальный храм, построенный в традициях средневекового аланского церковного зодчества. В наосе было исследовано одиночное захоронение, совершенное по христианскому обряду. Подробное архитектурное описание памятника и его фресковых росписей содержится в ряде современных работ [21, с.62–64; 3, с.22–26; 43, с.159–162].

Изучение Нузальского храма имеет двухвековую историю. Наиболее полная библиография дореволюционных работ приведена в специальной работе Е.Г. Пчелиной [39, с.25–27], работ советского времени – в исследовании В.А. Кузнецова [21, с.50–58].

Научная и популярная литература, в которой идет речь об этом интереснейшем памятнике обширна и требует значительного объема для подробного рассмотрения. Поэтому задача предлагаемой статьи более проста – используя основные работы проследить динамику идентификации рассматриваемого памятника на всем протяжении его изучения – с сер. XVIII в. до современности.

Первые упоминания Нузальского храма содержатся в завершенном в 1745 г. историко-географическом сочинении царевича Вахушти Багратиони [17: с.20, 43] и отчете протопопа Иоанна Болгарского, составленном в 1780 г. [40, с.385]. Оба источника интерпретируют рассматриваемый памятник как церковь [17, с.20, 43; 40, с.385].

На протяжении пер. пол. – сер. XIX в. нузальский памятник фигурирует в качестве церкви в официальных документах [30, с.134, 208, 228, 231–238], статистических описаниях [10, с.373, 375], а также в научных публикациях М.-Ф. Броссе [52, с.310; 53, с.158, прим. 3] и анонимного автора Журнала министерства народного просвещения [14, с.489–490] в связи с описанием эпитафии нузальского храма.

В 60-х – 80-х гг. XIX в. Нузал посетили исследователи, внесшие неоценимый вклад в становление и развитие аланистики. В 1869 г. храм осмотрел и впервые зарисовал В.Б. Пфаф. Идентифицировав его как церковь, он впервые отметил схожесть здания с «надгробным памятником» [32, с.137; 33, с.69]. Посетившая Нузал в 1879 г. П.С. Уварова также сравнила Нузальский храм с расположенными поблизости склепами («колумбариями»): «Несколько шагов дальше от кладбища и ближе к аулу стоит среди завалившегося двора каменная церковь,

скорее часовня по своей незатейливой величине, а по форме совершенно схожая с описанными колумбариями. <...> Вообще, очень вероятно, что церковь эта по своей тесноте служила или часовней или назначалась первоначально в усыпальницы [50, с.40, 42]». Высказанное вскользь предположение о первоначальном предназначении здания вытекает исключительно из его небольших размеров и носит умозрительный характер, что подтверждается тем, что на протяжении всего довольно пространного описания памятника П.С. Уварова называется его *церковью* или *храмом* [50, с.40–43].

Еще один выдающийся исследователь-аланист В.Ф. Миллер осмотрел и зарисовал Нузальский храм в 1886 г. Используя в своей публикации описание П.С. Уваровой, В.Ф. Миллер определяет его как средневековую церковь [27, с.66–68]. Та же идентификация присутствует в кратких описаниях и упоминаниях практически у всех авторов дореволюционного периода, которые не являлись специалистами в области истории и этнологии – Д.З. Бакрадзе [2, с.1068], Д.Ф. Бэддли [51, с.229], К.Ф. Гана [8, с.43], А. Гатуева [9, с.29]. С.Ф. Мельникова-Разведенкова [26, с.169–171] и др. В упоминаниях В.В. Марковича, А.М. Дирра нузальский храм называется часовней [25, с.66; 18, с.266].

Таким образом, в документах, научной и популярной литературе дореволюционного времени нет никаких разночтений в определении изначальной функциональной и конфессиональной принадлежности нузальского памятника, который почти во всех случаях идентифицируется как церковь и только иногда называется часовней.

Переход от описаний к изучению Нузальского храма произошел в советское время, в специальной работе первого крупного исследователя архитектуры наземных и полуподземных склепов Северной Осетии Г.А. Кокиева. Аргументируя ошибочность термина *часовня*, предложенного П.С. Уваровой, ссылавшейся на небольшие размеры памятника, Г.А. Кокиев писал: «Но необходимо оговориться, что в нагорной полосе нередко можно встретить церкви и значительно меньших размеров, чем нузальская, так что малые размеры этого сооружения еще не дают достаточных оснований не считать его церковью» [19, с.6]. Следует отметить, что именно Г.А. Кокиев первым обоснованно предположил происхождение наземных склепов от раннесредневековой церковной архитектуры [19, с.67].

Значительная активизация интереса к Нузальскому храму относится к послевоенному времени и связана с именем Е.Г. Пчелиной. Выступая 5 мая 1946 г. [36, л.1] со специальным докладом в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте Е.Г. Пчелина сформулировала несколько ошибочных тезисов о Нузальском храме,

которые затем воспроизводила в текстах и интервью без каких-либо принципиальных изменений. Во-первых, Нузальский храм был определен ей как усыпальница Сослана-Давида; во-вторых, термин *церковь* был заменен на *часовню*; и в-третьих, утверждалась перестройка «часовни» из склепа [34].

Проведенные в начале июня того же года раскопки в наосе храма выявили одиночное мужское захоронение в каменном ящике, совершенное по христианскому обряду [38, с.14–15]. Вполне ожидаемое отождествление погребенного со знаменитым монархом – царем Грузии и мужем царицы Тамары – сразу же было заявлено исследовательницей в отчетном докладе в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте [36] и на страницах республиканской, а затем и союзной прессы [35; 21, с.54]. Столь широкое освящение результатов археологических работ получило характер сенсационности и, при всей важности нузальских исследований Е.Г. Пчелиной, не лучшим образом сказалось на дальнейшем изучении памятника. Поспешные выводы и интерпретации попали в средства массовой информации и стали тиражироваться, приобретая аксиоматический характер.

При жизни Е.Г. Пчелиной ее научные тексты по Нузальскому храму не издавались, но все их основные положения были отражены в многочисленных газетных и журнальных публикациях. Помимо отчетных материалов по результатам археологических работ 1946 г. сохранились два упоминавшихся выше научных доклада [34; 36] и рукопись не опубликованной статьи «Нузальская часовня в Северной Осетии», датированная декабрем 1946 г. [37]. Наиболее полные результаты изучения храма были опубликованы сравнительно недавно, в статье «Нузальская часовня "Нузалы аргъуан"» [39], которая хранилась в архиве В.А. Кузнецова [39, с.7]. Не смотря на различный объем указанных текстов все они написаны в одном ключе и не имеют принципиальных различий по содержанию – в первую очередь выводам и их обоснованиям.

Не останавливаясь на версии Е.Г. Пчелиной об идентификации личности погребенного, укажем, что хотя она и была поддержана некоторыми исследователями [7, с.243; 12, с.289], в целом не была принята [5, с.321–325; 23, л.115; 21, с.56–57] и больше не рассматривается в научной литературе.

Изменение вопреки двухвековой письменной традиции именования памятника с *церкви* на *часовню*, никак не объясняется автором. Само название докладов и названия статьи – «Нузальская часовня "Нузалы аргъуан"», основывается на неправильном переводе. *Аргъуан* на осетинском языке означает 'церковь'. Терминологическая подгонка присутствует и в самом тексте статьи: «Ну-

залы *аргъуан* по-осетински означает «Нузальская часовня, церковь»». [39, с.14–15].

Следует указать, что в ходе изучения Нузальского храма Е.Г. Пчелина нередко прибегала к некоторым допущениям, которые становились искусственными обоснованиями делавшихся выводов. К примеру, утверждение, что Нузальский храм возводился как склеп, переделанный впоследствии в часовню, строится на схожести здания погребального храма с более поздними надземными ложносводчатыми двускатными склепами. Для объяснения этого визуального сходства Е.Г. Пчелина предложила следующую последовательность действий: «При перестройке был замазан погребальный лаз в восточной стене и прорублено входное отверстие в западной, где и подвесили на деревянном косяке дверь. Не лишено вероятности, что останки Давида Сослана при перестройке заепадза в часовню могли быть положены по христианскому грузинскому обычаю под ее полом. До этого же, вероятно, если этот заепадз принадлежал Давиду Сослану, тело его должно было покоиться по осетинскому древнему обычаю непокрытым землей. После перестройки, тогда же, грузинскими живописцами, привезенными для этой цели из Грузии, были расписаны фресковой живописью внутренние стены часовни» [39, с.21; см. также: 37, л.40]. В более ранних текстах сообщается что таким же образом были устроены и оконные проемы: «...в трех стенах были пробиты окна...» [37, л.42; 35, л.9].

Заклад в экстерьере не может быть лазом, входной и оконные проемы были устроены изначально, при возведении здания [20, с.133–134; 21, с.60–61; 3, с.30–32]. Кроме того, Е.Г. Пчелина, не упоминая голосник, вмонтированный в кладку свода для усиления звука во время богослужения. Приводя примеры превращения склепов в часовни Е.Г. Пчелина ошибочно указывает на позднесредневековые храмы т. н. дигорской группы (Галиат, Фараскатта, Лезгор), уходя, таким образом, от обоснованных предположений Г.А. Кокиева [19, с.17–18, 65, 67], подтвердившихся в современных исследованиях.

К сожалению, не обоснованные Е.Г. Пчелиной тезисы о личности погребенного и идентификации храма как часовни перестроенной из склепа, были быстро популяризированы. Попав в широкое информационное поле они стали аксиоматичными, причем не только для обывателей, но и для некоторых исследователей. Забегая вперед следует сказать, что с развитием туризма сформированная таким образом информация попала в путеводители [13, с.83; 46, с.12–14; 31, с.107; 4, с.70 и др.] и разнообразную популярную литературу, укоренившись в общественном сознании. В советскую эпоху подобная профанация уникального религиозного памятника была идеологически оправдана и поддерживалась государством.

В 1947 г. В.Б. Скитский в своей фундаментальной работе по истории Осетии останавливается на нузальском памятнике. Используя описание П.С. Уваровой он, следуя дореволюционной и довоенной традиции, относит его к числу христианских храмов [45, с.117–119]. Но уже в следующем, 1948 г., Л.П. Семенов под влиянием Е.Г. Пчелиной употребляет только термин часовня [44, с.105, 107–108]. З.Н. Ванеев в работе 1956 г., посвященной преданию об Ос-Багатаре и происхождении осетин, приводит дореволюционное название памятника – Нузальская церковь, и идентифицирует ее как часовню-гробницу Ос-Багатара. Описав нузальские исследования Е.Г. Пчелиной он также переходит на термин *часовня* [5, с.320–325], который использовал и антрополог Т.Б. Мамукаев в специальной работе «Тайна Нузальской часовни», стремясь подтвердить теорию Е.Г. Пчелиной о личности погребенного на основании исследования костного материала [24].

В 1971 г. в Тбилиси на грузинском языке вышла работа И. Лолашвили «Тайна гробницы Давида Сослана» [23, л.57а], в которой автор высказывается по поводу болезненного для грузинской историографии вопроса о происхождении Сослана-Давида и опровергает возможность его захоронения в Нузале. «Взамен» И. Лолашвили, вслед за З.Н. Ванеевым, предлагает версию погребения здесь Ос-Багатара. Идентифицируя сам памятник автор безальтернативно определяет его как церковь или часовню, перестроенную из «языческого» склепа [23, л.57а]. Исследования Т.Б. Мамукаева и И. Лолашвили – первые опубликованные специальные работы о Нузальском храме.

А.Ф. Гольдштейн, занимавшийся изучением традиционной архитектуры Северного Кавказа, считал Нузальский храм не христианским памятником, а мавзолеем, представляющим собой каменную копию жилища не сохранившегося типа, которому только в XIX в. было придано значение церкви. Мавзолеем был возведен над христианским погребением «лихого рубака» Сослана-Давида. Все эти противоречивые тезисы не содержат обоснований [11, с.63–65; 12, с.288–290].

Наибольшее внимание специальному изучению нузальского памятника уделил В.А. Кузнецов. Исключив Нузальский храм из круга памятников грузинской архитектуры, В.А. Кузнецов вначале рассматривал его как церковь [20, с.129–151], а затем предложил более сложное объяснение: «<...> весьма вероятно, что Нузальская церковь с самого начала была задумана и строилась и как надгробный мавзолей, и как поминальная часовня с соответствующими атрибутами церкви. Полусклеп-получерковь – таково подлинное лицо этого сложного, необычного и синкретичного памятника <...>» [21, с.61–62]. Ниже автор дает краткую и содержательную формулировку: «<...> церковь является меморием Ос-Багатара <...>» [21, с.99], подтверждая свой вывод в более позд-

ней работе [22, с.107].

Следует упомянуть и две работы М.Б. Мужухоева, посвященные религиозным памятникам Северного Кавказа [28; 29]. Несколько озадачивают авторские выводы и аргументация о не христианской принадлежности ряда храмов Северной Осетии, включая и Нузальскую церковь [29, с.78–80], которую он называет исключительно: «Постройка “Нузал”» или «Нузальская постройка» [28, с.91–92; 29, с.78–80].

В.Х. Тменов поддержал точку зрения В.А. Кузнецова по датировке памятника, называя его часовней [48, с.170–171] и, одновременно, склепообразным святилищем [48, с.162]. Играя роль «своеобразного мартириума», Нузальский храм, по мнению автора, превращался то в святилище, то в часовню, в зависимости от складывающейся конфессиональной ситуации [49, с.163].

Помимо специальных работ советского и постсоветского времени существуют и довольно многочисленные упоминания нузальского памятника связанные со знаменитой стихоэпитафией и некоторыми сюжетами позднесредневековой истории Алании. З.М. Салагаева и Ф.Х. Гутнов называют его часовней, хотя в приводимых ими же дореволюционных документах и материалах фигурирует «Нузальская церковь» [41, с.104–107; 15, с.59; 16, с.70–79], Г.Д. Тогошвили также называет часовней [21, с.20–21], З.Х.-М. Албегова – часовней-усыпальницей [1, с.238] и т. д.

Как мы видим, к началу XXI в. исследователи подошли к необходимости совместить две функции Нузальского храма – богослужебную и погребальную, признав местный, аланский характер его архитектуры. Эта задача была успешно решена в вышедшей в 2004 г. специаль-

ной статье Д.В. Белецкого, который вписал рассматриваемый памятник в круг церковных древностей восточно-христианского мира и идентифицировав его как погребальный храм, расписанный в рамках средневекового византийского канона [3]. Спустя несколько лет Т.К. Салбиев провел культурологический анализ храмовой росписи с точки зрения взаимодействия христианской и древней аланской традиций [42].

Таким образом, историю изучения Нузальского храма можно разделить на четыре периода, каждый из которых отражает исследовательские подходы своего времени. Для первого, дореволюционного периода, характерна описательность с выраженным стремлением определить связь храма с традиционным прошлым. При этом вопросов о конфессиональной принадлежности памятника для авторов этого времени, находившихся в живом религиозном пространстве, не возникало – во всех случаях он идентифицируется как церковь и только иногда называется часовней.

Второй период укладывается в советскую эпоху, с переходом от описаний к исследованиям, которые носили преимущественно этнографический характер с хорошо различимым отпечатком идеологических установок своего времени. Среди исследователей этого периода не было специалистов в области церковной архитектуры, а христианство было для них внешней и не вполне понятной религиозной системой. Этим и определяется общий дилетантский подход в интерпретации памятника.

Третий, переходный период, начался в 90-х гг. XX в., сопровождаясь инерцией подходов, сформировавшихся в советское время. И, наконец, четвертый период оформился в начале XXI в., введя Нузальский храм в поле современных научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова З.Х.-М. Склеп Софии нартовского эпоса (к постановке вопроса) // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Сборник статей. Владикавказ, 2000. С. 231–244.
2. Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства // Акты Кавказской археологической комиссии. Т. V. Тифлис, 1873. С. 993–1107.
3. Белецкий Д.В. Заметки о нузальском храме // ИФА. 2. Владикавказ, 2004. С. 22–57.
4. Бероев Б.М. По Северной Осетии. М., 1984. 144 с.
5. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Том I. Цхинвал, 1989 // Народное предание о происхождении осетин (К проблеме общественного строя Овского царства). С. 315–332.
6. Габоева Л.Р. Нузальский грунтовый могильник // Аланское православие: история и культура: сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017. С. 88–102.
7. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. I. Цхинвал, 2010 // Средневековые летописи о Давиде Сослане. С. 236–243.
8. Ган К.Ф. По долинам Чорока, Уруха и Ардона // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 25. Тифлис, 1898. С. 1–48.
9. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007. 176 с.
10. Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии // Православное христианство в Алании-Осетии XVIII – начала XX в.: сборник документов. Составитель Р.С. Бзаров. Владикавказ: Ир, 2021. С. 348–394.
11. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: «Наука», 1975. 157 с.

12. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977. 334 с.
13. Григорович С.Ф. По горам и равнинам Северной Осетии. Спутник туриста, краеведа и экскурсанта. Орджоникидзе, 1960. 128 с.
14. Грузинские древности, надписи и монеты // Журнал министерства народного просвещения. Часть шестнадцатая. СПб., 1837.
15. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: ИР, 1989. 176 с.
16. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: ИР, 1993. 229 с.
17. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897. 206 с.
18. Дирр А.В. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // Известия Кавказского отделения императорского Русского Географического общества. Т. XXI. Тифлис, 1911. С. 257–276.
19. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии. (Историко-этнологический очерк). Владикавказ, 1928. 94 с.
20. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: ИР, 1977. 176 с.
21. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: ИР, 1990. 200 с.
22. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: ИР, 2002. 159 с.
23. Лолашвили И. Тайна гробницы Давида Сослана. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18.
24. Мамукаев Т.Б. 1969. Тайна Нузальской часовни. Орджоникидзе, 1969.
25. Маркович В. В. В верховьях Ардона и Риона // ЗИРГО. Т. 38. № 3. СПб, 1906. 222 с.
26. Мельников-Разведенков С.Ф. Экскурсия на Цейский ледник // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 155–183.
27. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Т. I. М., 1888. 134 с.
28. Мужухоев М.Б. а. Средневековые святыни Центрального Кавказа. 1985 // Советская археология. № 3. 1985. С. 81–96.
29. Мужухоев М.Б. б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). Орджоникидзе, 1985. С. 72–82.
30. Православное христианство в Алании-Осетии XVIII – начала XX в.: сборник документов / составитель: Р.С. Бзаров. Владикавказ: ИР, 2021. 408 с.
31. Путеводитель. Северо-Осетинский республиканский музей краеведения. Орджоникидзе, 1970. 124 с.
32. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1. 1871. С. 127–176.
33. Пфаф В.Б. Материалы по древней истории Осетии // ССКГ. Сборник сведений о кавказских горах. Вып. V. 1871. С. 1–100.
34. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргуан». 1 доклад до нузальской экспедиции 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16.
35. Пчелина Е.Г. Раскопки в Северной Осетии. Копия из газ. «Заря востока». № 138. 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18.
36. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргуан». 3-й доклад после нузальской экспедиции 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19.
37. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня в Северной Осетии. 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20.
38. Пчелина Е.Г. Отчет по экспедиционной поездке Е.Г. Пчелиной с 5 по 26 августа 1965 г. в Алагирское и Мамисонское ущелья Северной Осетии. Архив Института археологии РАН. Р–1. № 3097.
39. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргуан» // Пчелина Е.Г. Ossetica. Владикавказ, 2013. 328 с.
40. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Т. 2. Орджоникидзе, 1984. 439 с.
41. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе: ИР, 1984. 312 с.
42. Салбиев Т.К. Фрески Нузальского храма как памятник взаимодействия двух духовных традиций // Изв. СОИГССИ № 28. 2018. С. 5–18.
43. Свод памятников истории и культуры Осетии-Алании: т. 2: Районы Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 2021. – 544 с.
44. Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 44–136.
45. Скитский Б.В. 1947. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947. 198 с.
46. Теплицкий И.З., Цагаев Н.Д. Памятники материальной культуры Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963. 124 с.
47. Тогошвили Г.Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. 144 с.
48. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: ИР, 1984. 344 с.
49. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева 1995. 437 с.
50. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. 326 с.
51. Baddeley J.F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. – Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. – Vol. I. – xiv, 272 pp.
52. Brosset M. Pièces diverses relatives à la Géorgie, traduites par Brosset // Nouv Journal Asiatique. Octobre, 1830. T. VI.
53. Brosset M. Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle: 1ère partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. St.-Petersburg, 1849.

© Мамиев Михаил Эрнестович (mikhailmamiev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»